

го договора, политическое общество, т. е. государство (Г. Гроций, Ж. Боден, Т. Гоббс, Дж. Локк, Д. Юм, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье и др.);

3-й этап – вторая половина XVIII в. – начало XX в. – «легитимационный» период, когда получили признание, поддержку и развитие учения, разграничивавшие понятия «гражданское общество» и «государство» (А. Фергюссон, Дж. Мэдисон, Т. Джефферсон, С. Пуфендорф, И. Кант, В. Гумбольдт, А. Смит, Т. Пейн, Г. Гегель, А. Токвиль, К. Маркс, А. Грамши и др.);

4-й этап – с конца XX в. – возрожденческий период. На этом этапе происходит возрождение идеи гражданского общества в контексте происходящих в мире модернизационных процессов. В юридической науке представлены и иные точки зрения на становление представлений о гражданском обществе.

Взаимодействие государства и гражданского общества прошло определенную эволюцию. Так, в условиях рабовладельческого, а затем феодального и буржуазного периода государство практически в полном объеме подчиняло и контролировало общество. В дальнейшем демократические преобразования во всех сферах общественной жизни формируют представления о недопустимости вмешательства государства в гражданские дела, в частную жизнь, под которыми понималась сфера свободного предпринимательства, личной инициативы, семейных отношений, где государственная власть и должна выполнять роль «ночного сторожа», арбитра, охранника.

Исторический опыт показывает, что гражданское общество укрепляет свои позиции в связи с трансформацией буржуазных государств в социальные, правовые и демократические. По этой причине представляется возможным переход от конфронтации к дальнейшему развитию и взаимодействию современных демократических государств с институтами гражданского общества.

Такое взаимодействие осуществляется в конкретных организационно-правовых формах: государственно-правовой регламентации функционирования субъектов гражданского общества, закреплении их конституционно-правового статуса; участии структур гражданского общества, и прежде всего тех из них, которые составляют политическую систему, в организации и деятельности органов государственной власти; запрете тотального вмешательства органов государственной власти и их должностных лиц в личную жизнь человека и гражданина; законодательном закреплении обязанности государства по обеспечению социально-экономической и политической безопасности человека, его прав и свобод, которые в совокупности составляют содержание конституционного статуса личности.

Следует отметить, что перспективы развития гражданского общества могут быть различными. История цивилизации знает и возвраты к прошлому. Например, в первой половине XX в. в истории западных обществ был период ослабления гражданских институтов, подавления их государством, когда общественные механизмы разладились под воздействием мировых войн или режимов фашистского типа. Это дало основание исследователям обозначить этап восстановления и нормального функционирования институтов гражданского общества на Западе после 1945 г.

Критическое осмысление представлений о гражданском обществе на различных исторических этапах позволит оценить возможность применения ценных достижений политико-правовой мысли на современном этапе развития общества и государства.

УДК 328.185

Е.Н. Григорьева

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Трансформация политико-правовой организации управления обществом всегда опосредует изменение вектора направленности задач, которые ставятся перед создавшимся государством, и соответственно, его деятельности во всех наиболее значимых сферах жизни общества. Тем не менее на протяжении многовековой истории развития государственности на многих территориях, в том числе и на белорусских землях, прослеживается примечательное постоянство в двух наиболее важных направлениях функционирования политической надстройки общества, к которым относятся поиск эффективного механизма пополнения доходной части бюджета государства и борьба с коррупцией. Этот тезис находит свое подтверждение в правовых источниках, начиная от Привилея Великого князя Александра Казимировича 1492 г., в ст. 16 которого содержался запрет заниматься вымогательством представителям государственной власти, до современного антикоррупционного законодательства, обладающего межотраслевым характером. Не явилось исключением и образовавшееся в 1917 г. Советское государство, СНК которого в первый год своего функционирования принял Декрет от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве» Это свидетельствует о понимании советской властью высокой степени опасности взятки как неотъемлемого элемен-

та коррупции для функционирования установившегося нового политического порядка.

Так, взяточполучателями признавались как лица, состоящие на государственной, так и на общественной службе. Пятилетний срок лишения свободы и более длительный срок были сопряжены с принудительными работами. Покушение на дачу либо получение взятки влекло такое же наказание, как и оконченное преступление. Аналогичное наказание устанавливалось для взяткодателей, подстрекателей, пособников и всех «прикосновенных» к даче взятки. Были определены и отягчающие обстоятельства, к которым отнесены особые полномочия служащего, нарушение служащим своих обязанностей и вымогательство взятки. Более жесткому наказанию в виде наиболее тяжких и неприятных принудительных работ и конфискации всего имущества подвергались лица, принадлежавшие к «имущественному классу», которые пользовались взяткой для сохранения либо приобретения привилегий, связанных с правом собственности. Эта норма указывает на принцип классовой борьбы, который был присущ советскому законодательству этого периода. Примечателен и факт установления в последнем пункте рассматриваемого декрета его обратной силы. Исключение составляли только те случаи, когда от уголовного преследования освобождались взяткодатели, которые дали взятку до принятия рассматриваемого нормативного правового акта и сообщили об этом судебным властям в течение трех месяцев с момента вступления его в законную силу.

16 августа 1921 г. СНК РСФСР был принят последующий Декрет «О борьбе со взяточничеством», в котором, например, конкретизировалось, что она может быть получена «в каком бы то ни было виде» лично либо через посредника, и т. д.

Несмотря на установленные достаточно суровые меры наказания, применяемые в связи с вступлением в действие вышеуказанных декретов, многими исследователями в области истории государства и права отмечается не просто наличие, но и значительный прирост коррупционных проявлений.

Так, Л.В. Борисова в исследовании первой программы борьбы со взяточничеством в Советской России с 1922 по 1923 г. приводит факты тотального распространения взяточничества во всех сферах общественных отношений, несмотря на то, что большевики, придя к власти, постулировали создание новой государственной системы, свободной от протекционизма и коррупции. Автор констатирует, что взятка с 1917 г. в условиях тотального классового террора, «когда для расстрела было достаточно принадлежности к бывшим эксплуататорским классам», порой являлась единственным средством спасения человеческой жизни. Она

служила прекрасным средством для теневого товарооборота, а взяточничество было повсеместно распространено во всех государственных органах, в числе которых суды и другие правоохранительные органы. Последнее процветало и в период военного коммунизма, и в период новой экономической политики.

П.М. Ельчанинов в исследовании, посвященном преступности в советской провинции и борьбе с ней в 1921–1928 гг., со ссылкой на мнение авторитетных специалистов по истории советских спецслужб и их деятельности в 1920-е гг. А.Ю. Епихина и О.Б. Мозохина, отмечает, что взяточничество в крупных городах, где бурно расцвел частнокапиталистический уклад, пустило глубокие корни и стало приметой повседневной жизни периода существования новой экономической политики.

Наличие вышеприведенных фактов обусловило необходимость принятия комплексных и широкомасштабных государственных мер по противодействию коррупции в виде принятия общегосударственной программы борьбы со взяточничеством в августе 1922 г.

М.В. Дульнев, исследуя рассматриваемый исторический период, также констатирует факт наличия коррупционных проявлений на всех уровнях государственного управления, и утверждает, что он явился основанием принятия с 1923 по 1924 г. комплекса мер по противодействию рассматриваемому негативному явлению, к которым относились: создание специальных комиссий по борьбе со взяточничеством; создание специальных ведомств, основной задачей которых являлась борьба с коррупцией; проведение «чисток» государственного аппарата; разработка проекта Положения о государственной гражданской службе; установление контроля за доходами государственных служащих путем введения обязанности заполнения анкетных листов с указанием имущественного положения не только государственного служащего, а и супруги (супруга), детей, о работе в порядке совместительства и др.

Полагаем возможным констатировать, что коррупция в период становления и развития Советского государства являлась акцентированным объектом воздействия его внутригосударственной политики, т. е. представляла собой одну из внутренних угроз безопасности Советского государства.

Несмотря на столетний период, разделяющий современность и описанные события прошлого столетия, следует отметить, что комплекс вышеуказанных мер нормативного и институционального характера в настоящее время в Беларуси не утрачивает своей актуальности и эффективности применения.

Так, например, в Законе Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» установлены антикоррупционные

ограничения и запреты для государственных должностных и приравненных к ним лиц, регламентирован порядок урегулирования конфликта интересов, содержится правовое регулирование декларирования доходов и имущества, устранения последствий коррупционных правонарушений, осуществления государственного и общественного контроля и надзора за деятельностью по борьбе с коррупцией, установлен перечень и компетенция правоохранительных органов, осуществляющих борьбу с коррупцией. С целью обеспечения реализации принципа приоритета мер предупреждения коррупции, закрепленного в ст. 4 рассматриваемого законодательного акта, осуществляется разработка и реализация системы мер, направленных на борьбу с коррупцией, посредством принятия государственных программ по борьбе с преступностью и коррупцией на определенные годы с установлением комплекса мер по борьбе с коррупцией, устранению причин и условий, ей способствующих, сроков их реализации и ответственных государственных органов. По настоящее время коррупция входит в число основных угроз национальной безопасности Республики Беларусь.

Таким образом, проведенное исследование законодательной регламентации борьбы с коррупцией и ее элементом – взяточничеством – в первые годы существования Советского государства позволяет констатировать наличие преемственных связей между ней и современным национальным законодательством о борьбе с коррупцией. Последнее, основываясь на положительном историческом опыте становления законодательного регулирования борьбы с коррупцией, а также опыте правоприменительной практики осуществления комплекса мероприятий по противодействию такому негативному социально-правовому явлению, осуществляет дальнейшее поступательное развитие в направлении совершенствования механизма борьбы и превенции.

УДК 94(47 + 57)(477)

А.Д. Гронский

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О СОВЕТСКОМ ПРОШЛОМ В УКРАИНСКИХ РЕАЛИЯХ ПОСЛЕ 2014 Г.

Историческая память является субстанцией, которая не всегда соответствует текущей исторической политике, иногда прямо противоречит ей. Если историческая память и историческая политика расходятся в оценках прошлого, память иногда переходит в латентное состояние, не проявляясь явно, но всплывает в ситуациях, когда необходимо найти для

оценки современности какой-то ориентир в прошлом. Иногда историческая память и историческая политика рассматривают прошлое практически одинаково. Тогда и у массы населения, и у государства нет больших расхождений в оценках прошлого, что делает государство более «своим» для народа. Примером подобного совпадения исторической памяти и исторической политики является отношение российской и белорусской версий исторической памяти и исторической политики в отношении Великой Отечественной войны. При некоторых расхождениях в локальных оценках глобальные оценки совпадают. С другими периодами истории ситуация сложнее, так как именно советский период, который вообрал в себя Великую Отечественную войну, был последней ушедшей эпохой. Эта близость советского периода к постсоветской современности делает его более понимаемым. Еще живы многие люди, заставшие этот период, т. е. свидетели эпохи. Поэтому информация о советском прошлом, переданная носителями этого прошлого, воспринимается как более объективная. Более отдаленные периоды не имеют живых свидетелей, поэтому историческая память о них сохраняется в передаче информации от уже умерших очевидцев. Необходимо также осознавать, что историческая память не является пересказом истории. Она оставляет для потомков то, на что современники реагировали более эмоционально, что было для современников важнее, чем остальные события эпохи. Именно поэтому в исторической памяти какие-то события представлены более ярко, а какие-то практически полностью игнорируются.

После распада Советского Союза новые постсоветские государства стали искать свои версии истории, т. е. формировать собственную политику в отношении исторической памяти. И не всегда эта политика опиралась на коллективную историческую память. Иногда в качестве основной была использована память отдельных малых социальных групп, которая противоречила коллективной памяти. И именно эта «малая» память была представлена как память всего народа. Такая ситуация смогла возникнуть по причине наличия некоего количества лиц, являющихся носителями «малой» памяти. В постсоветской ситуации такими группами оказались, например, потомки эмигрантов, покинувших страну на заключительном этапе Великой Отечественной войны. Эти люди являлись коллаборационистами, у них было собственное видение исторического процесса, неприемлемое для подавляющего большинства, но они в постсоветский период воспринимались как носители чего-то «настоящего» национального, сохранившегося в эмиграции.

И если в российском и белорусском случаях эта «малая» историческая память оказалась неспособной подчинить себе коллективную память, то в украинском варианте такая попытка частично осуществилась.